

А. И. Соболевский

**Древний церковно-
славянский язык**

Фонетика

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. И. Соболевский**
Древний церковно-славянский язык: Фонетика / А. И. Соболевский – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 160 с.

ISBN 978-5-517-99393-9

ISBN 978-5-517-99393-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

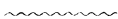
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша ученая литература такъ бѣдна трудами по церковно-славянскому языку и то, что имѣется въ ней, оригинальное и переводное, такъ кратко и неполно, что изданіе въ свѣтъ части нашего университетскаго курса не представляется намъ излишнимъ.

Въ своемъ трудѣ мы постоянно имѣемъ въ виду, рядомъ съ церковно-славянскимъ, также русскій языкъ, съ тою цѣлію, чтобы этотъ трудъ могъ быть органически связанъ съ другимъ нашимъ трудомъ—по исторіи русскаго языка.

Мы отнюдь не претендуемъ на новизну и оригинальность взглядовъ и выводовъ. Мы старались воспользоваться всѣми старыми и новыми трудами по славяновѣдѣнію и сравнительному языковѣдѣнію, но воспользовались ими лишь настолько, насколько наши наблюденія надъ исторіею языка позволили намъ согласиться съ выводами ученыхъ.

Спб.
1891 г.

Наблюдения надъ жизнью языка показываютъ, что языкъ съ теченіемъ времени измѣняется въ звукахъ. При этомъ, на основаніи своего собственнаго опыта, мы удостоверяемся, что говорящіе вовсе не хотятъ измѣнять языка и что всѣ измѣненія въ немъ происходятъ помимо ихъ воли. При изслѣдованіи этихъ измѣненій становится яснымъ: 1) что не имѣя желанія измѣнять свой языкъ, мы тѣмъ не менѣе стремимся къ наиболѣе легкому и удобному для насъ произношенію звуковъ и образованію словъ и формъ, и такимъ образомъ, незамѣтно для себя, измѣняемъ и тѣ и другія, и 2) что измѣненія въ языкѣ бываютъ двойкаго характера.

Въ однихъ случаяхъ звуки словъ и формъ измѣняются постепенно, переходя изъ одного отгѣнка въ другой, въ зависимости отъ измѣненій въ положеніи органовъ рѣчи. Это естественныя измѣненія звуковъ, измѣненія физиологическаго характера. Къ нимъ принадлежитъ, наиримѣрь, измѣненіе *к* въ *ч* передъ мягкими гласными: *печемъ*, 1 л. мн. (корень *пек*).

Въ другихъ случаяхъ измѣненія звуковъ имѣютъ свою причину аналогію, вліяніе однихъ словъ и формъ на другія, и состоятъ въ простой замѣнѣ одного звука другимъ. Такъ, форма род. ед. отъ слова *сынъ* первоначально звучала въ славянскомъ языкѣ съ *у* на концѣ: *сину*, но съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ многочисленныхъ формъ род. ед. на *а* (*вълка* и т. п.), *у* этой формы было замѣнено черезъ *а*, такъ что образовалась новая форма *сына*. Эти измѣненія — психологическаго характера.

Измѣненія перваго рода въ значительномъ большинствѣ имѣютъ мѣсто во всей массѣ тождественныхъ явленій; такъ, мы находимъ измѣненіе *к* въ *ч* во всѣхъ словахъ славянскаго языка передъ *е*. Такимъ образомъ большинство измѣненій физиологическаго характера подчинено законамъ. Меньшинство этихъ измѣненій наблюдается

лишь въ той или другой части тождественныхъ явленій и отличается случайностью; такъ, мы наблюдаемъ рядомъ переходъ *z* въ *ы* передъ *j* въ добрыи (изъ добръ-ји) и отсутствіе этого перехода въ добрыи.

Измѣненія втораго рода отличаются полною случайностью, что впрочемъ не мѣшаетъ имъ иногда имѣть мѣсто въ очень значительномъ количествѣ тождественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствию звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *y* въ славянскомъ языкѣ никогда не измѣняется въ *a*: по благодаря вліянію формъ род. на *a*, мы видимъ въ формѣ сына звукъ *a* на мѣстѣ *y*.

Должно имѣть въ виду, что законы измѣненія звуковъ не отличаются постоянствомъ. Они въ одномъ и томъ же языкѣ могутъ быть въ различныя эпохи его жизни различными (до извѣстныхъ предѣловъ). Такъ, въ одну, древнѣйшую эпоху жизни славянскаго языка *k* передъ мягкими гласными перешло въ *ч*: печемъ, а въ другую оно при тѣхъ же условіяхъ дало *ц*: пьци.

Ссылки на Зографское и Маріинское Евангелія дѣлаются нами по изданіямъ Ягича, на Саввино Ев.— по изд. Срезневскаго, на Ассеманово Ев. — по изданію Чрнчича, на Синайскіе памятники — по изд. Гейтлера, на Клоцовъ Сборникъ — по изд. Конячара и (гдѣ буква М) Миклошича, на Супрасльскую рукопись — по изд. Миклошича. *Здѣсь цифры означаютъ страницы.* Прочіе памятники, церковно-славянскіе и средне-болгарскіе, если не указанъ печатный источникъ, цитуются нами по подлинникамъ, и *здѣсь цифра означаетъ листъ* рукописи. Древне-русскіе памятники цитуются нами такъ же, какъ въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

I. Что такое церковно-славянскій языкъ?

Церковно-славянскій, или старо-славянскій, или древне-болгарскій языкъ — тотъ языкъ, на который славянскіе первоучители свв. Кирилль и Меодій перевели съ греческаго книги священнаго писанія и богослужебныя и который, послѣ ихъ кончины, сдѣлался литературнымъ языкомъ болгарь, сербовъ и русскихъ.

У болгарь онъ нашелъ себѣ широкое употребленіе въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ. Въ это время, въ золотой вѣкъ болгарской письменности, на него было переведено значительное количество произведеній какъ духовной, такъ отчасти и свѣтской византійской литературы и, сверхъ того, на немъ было написано нѣсколько оригинальныхъ произведеній. Послѣ эпохи Симеона, около половины XII вѣка, церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ живыхъ болгарскихъ говоровъ въ звукахъ, формахъ, словахъ, перешелъ въ такъ называемый средне-болгарскій языкъ. Въ своемъ новомъ видѣ онъ долгое время былъ употребляемъ для новыхъ переводовъ съ греческаго и для оригинальныхъ сочиненій, и значеніе литературнаго языка болгарь было сохраняемо имъ до XVII столѣтія.

У сербовъ церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся согласно съ особенностями сербскаго языка, былъ употребляемъ какъ литературный языкъ и въ эпоху наибольшаго развитія сербской письменности, въ XIV и XV вѣкахъ, и въ эпоху послѣдующую; даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, прежде чѣмъ укоренилась въ Сербіи реформа Вука Караджича, онъ, съ русскою окраскою, лежалъ въ основаніи сербскаго литературнаго языка.

Русскіе познакомились съ церковно-славянскимъ языкомъ очень рано. Уже первые русскіе христіане пользовались церковно-славян-

скими богослужебными книгами, какъ показываетъ, между прочимъ, папская булла 967 года, упоминающая о славянскомъ богослуженіи у русскихъ; древнѣйшіе дошедшіе до насъ письменные памятники русскихъ — переводы договоровъ съ греками кievскихъ князей Олега 912 г. и Игоря 945 г. — написаны на смѣси церковно-славянскаго языка съ русскимъ, едва ли не священниками-болгарами, жившими въ Кіевѣ. Послѣ принятія христіанства всю Русью при святомъ Владимірѣ, церковно-славянскій языкъ, съ болѣе или менѣе сильною русскою окраскою, сдѣлался русскимъ литературнымъ языкомъ и продолжалъ быть имъ въ теченіе многихъ столѣтій, почти до половины XVIII вѣка. Сверхъ того, значительное количество его звуковыхъ, формальныхъ и словарныхъ особенностей вошло въ языкъ русскаго образованнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ въ современный русскій литературный языкъ.

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ былъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій общимъ литературнымъ языкомъ южнаго и восточнаго славянства. Онь остается до сихъ поръ языкомъ богослуженія у всѣхъ православныхъ славянъ (а равнымъ образомъ у униатовъ и немногихъ католиковъ), и болгары, сербы, русскіе пользуются въ наши дни одними и тѣми же церковно-славянскими богослужебными книгами.

Сообразно съ употребленіемъ у разныхъ славянскихъ племенъ, церковно-славянскій языкъ имѣеть нѣсколько типовъ.

Собственно церковно-славянскій языкъ, т. е. сравнительно чистый церковно-славянскій языкъ, сохранился въ немногихъ памятникахъ болгарскаго происхожденія, о которыхъ будетъ сказано ниже; этотъ языкъ составляетъ предметъ настоящаго труда.

Церковно-славянскій языкъ, принявшій въ себя особенности болгарскихъ говоровъ XII и послѣдующихъ столѣтій, или церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода, находится въ памятникахъ болгарскаго происхожденія, такъ называемыхъ средне-болгарскихъ; изъ нихъ древнѣйшій съ дагою относится къ концу XII или къ началу XIII вѣка; это Боловская Псалтырь. Главная характеристическая особенность средне-болгарскихъ текстовъ сравнительно съ собственно церковно-славянскими — мѣна юсовъ, или употребленіе послѣ j и

мягкихъ согласныхъ жъ вмѣсто ж и на оборотъ—а вмѣсто ѡ: ѡзыкъ вмѣсто ѡзыкъ, моѡжъ вмѣсто моѡжѡ (родит. п. ед. женск. р.); любѡжъ вмѣсто любѡжъ (1 л. ед. ч.), моѡ вмѣсто моѡжъ (вин. п. ед. ж. р.).

Церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ влiянiемъ особенностей сербскаго языка, или церковно-славянскій языкъ сербскаго извода, находится въ памятникахъ сербскаго происхожденiя, изъ которыхъ старшiе съ датами — два Евангелiя, Мирославово и Волканово — относятся къ концу XII вѣка. Главныя особенности текстовъ сербскаго извода: употребленiе *y* (*ю*) и *e* вмѣсто церк.-слав. жъ и жъ; рука вмѣсто рѡка, ѡзыкъ вмѣсто ѡзыкъ; употребленiе *и* вмѣсто церк.-слав. ѡ: бити вмѣсто быти; употребленiе мягкихъ *к* (*ћ*) и *г* (*г*) вмѣсто церк.-слав. *шт* (изъ *т*) и *жд* (изъ *д*): свѣча вмѣсто свѣѡита, меѡ вмѣсто междю.

Церковно-славянскій языкъ, принявшiй въ себя особенности русскаго языка, или церковно-славянскій языкъ русскаго извода, является въ огромномъ количествѣ памятниковъ русскаго происхожденiя. Древнѣйшiе изъ нихъ съ датами, дошедшiе до насъ въ оригиналахъ, относятся ко второй половинѣ XI вѣка. Это: Остромирово Евангелiе 1056—1057 гг., Святославово Сборникъ 1073 года, Святославово Сборникъ 1076 года и Архангельское Евангелiе 1092 года. Главныя особенности текстовъ русскаго извода: употребленiе *y* (*ю*) и *я* (*а*) вмѣсто церк. слав. жъ и жъ; рука вмѣсто рѡка, сѡду вмѣсто сѡдѡ, чѡдо вмѣсто чѡдо, и употребленiе *ж* и *ч* вмѣсто церк.-слав. *шт* (изъ *т*) и *жд* (изъ *д*): свѣча вмѣсто свѣѡита, межю вмѣсто междю.

Кромѣ церковно-славянскаго языка болгарскаго, сербскаго и русскаго изводовъ, нѣкогда существовалъ церковно-славянскій языкъ западно-славянскаго или, точнѣе, моравскаго извода. Онъ сохранился только въ двухъ небольшихъ памятникахъ, писанныхъ глаголицею— въ кiевскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI вѣка и въ пражскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI—XII в. и отличается отъ собственно церковно-славянскаго языка главнымъ образомъ употребленiемъ *и* и *з* вмѣсто церк.-слав. *шт* (изъ *т*) и *жд* (изъ *д*): свѣча вмѣсто свѣѡита, мезю вмѣсто междю.

Конечно, церковно-славянскій языкъ принадлежитъ къ славянской группѣ языковъ, слѣдовательно, находится въ ближайшемъ родствѣ съ живыми языками (ново-)болгарскимъ, сербо-хорватскимъ,

словянскимъ, русскимъ, польскимъ, чешско-словенскимъ и лужицкими. Но гдѣ онъ былъ въ живомъ употребленіи и какой вѣтви славянскаго племени принадлежалъ?

Одни изъ славистовъ -- особенно словинцы Коингаръ и Миклошичъ -- полагають, что онъ былъ языкомъ тѣхъ славянъ, которые въ IX вѣкѣ обитали между Дунаемъ и Дравою, т. е. въ предѣлахъ древней Панноніи, и на которыхъ распространялась проповѣдь Кирилла и Меодія. Но мнѣнію этихъ ученыхъ, славяне, говорившіе на церковно-славянскомъ языкѣ, были ли предки нынѣшнихъ словянцевъ, или славянское племя уже не существующее, ближайшимъ образомъ родственное со словинцами и болгарамъ.

Другіе слависты, по преимуществу русскіе, а также нѣмецъ Шлейхеръ, видятъ въ церковно-славянскомъ языкѣ языкъ солунскихъ славянъ, на которомъ «чисто бесѣдовали» всѣ греки-солунцы, современники Кирилла и Меодія, и вѣстѣ съ ними, конечно, и сами наши первоучители; слѣдовательно, они признають церковно-славянскій языкъ языкомъ древне-болгарскимъ.

Такимъ образомъ вопросъ о родниѣ церковно-славянскаго языка -- вопросъ спорный. Для рѣшенія его мы располагаемъ слѣдующими данными.

1) По свидѣтельству древнихъ житій нашихъ первоучителей, извѣстныхъ подъ именемъ паннонскихъ, составленныхъ или ихъ учениками, или людьми ихъ хорошо знавшими, Кириллъ былъ въ Панноніи, во владѣніяхъ князя Коцела, сравнительно небольшое количество времени, проѣздомъ изъ Моравіи въ Римъ; а Меодію, хотя онъ и былъ посвященъ папою въ епископы Панноніи, почти совсѣмъ не пришлось жить въ своей епархіи. Они были посланы императоромъ Михаиломъ въ при-дунайскія земли по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, дѣйствовали главнымъ образомъ въ Моравіи, во владѣніяхъ Ростислава, и, при переводѣ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, должны были имѣть въ виду прежде всего жителей Моравіи, предковъ нынѣшнихъ моравянъ и словаковъ. Такимъ образомъ, создавая литературный языкъ славянскій, они не могли имѣть не только основанія, но даже и возможности воспользоваться языкомъ паннонскихъ славянъ и отдать ему предпочтеніе передъ языкомъ своей моравской паствы или передъ хорошо знакомымъ имъ съ дѣтства языкомъ солунскихъ славянъ. Иначе говоря, приступая

къ переводу священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, первоучители могли выбирать только между моравскимъ говоромъ чешскаго языка и солунскимъ болгарскаго языка.

2) Тѣ же паннонскія житія даютъ намъ понять, что первоучители прибыли въ Моравію съ готовымъ славянскимъ переводомъ нѣкоторой части священнаго писанія и что они докончили переводъ священнаго писанія и богослужебнаго чина вскорѣ по прибытіи къ своей новой паствѣ. Такимъ образомъ оказывается, что евангеліе, апостоль, псалтырь, служебникъ и требникъ, а вѣроучіе, и другія богослужебныя книги, были ими переведены прежде, чѣмъ они могли освоиться съ языкомъ мораванъ, слѣдовательно, на языкъ не мораванъ, а солунскихъ болгаръ. Во всякомъ случаѣ, Кирилль и Меѳодій имѣли уже готовый переводъ священнаго писанія и главныхъ богослужебныхъ книгъ раньше своего посѣщенія Панноніи во время путешествія изъ Моравіи въ Римъ и ознакомленія съ языкомъ паннонскихъ славянъ.

3) Взаимная близость славянскихъ нарѣчій въ эпоху дѣятельности Кирилла и Меѳодія, во второй половинѣ IX вѣка, была еще настолько велика, что безъ сомнѣнія, говорившій на одномъ изъ нихъ могъ свободно понимать говорившаго на другомъ. Въ виду этого славянскимъ первоучителямъ, владѣвшимъ болгарскимъ языкомъ, не было особой надобности учиться языку при-дунайскихъ славянъ и вводить его особенности въ свои болгарскіе тексты. Они могли довольствоваться съ одной стороны — тѣмъ, что сами понимали свою паству, и съ другой — тѣмъ, что паства достаточно понимала ихъ рѣчь и книги. Само собою разумѣется, ученики первоучителей, при-дунайскіе уроженцы, перенесшая переведенныя ихъ паставниками книги, могли вносить въ нихъ нѣкоторыя черты своихъ говоровъ, точно такъ же, какъ послѣ сербскіе и русскіе переписчики измѣняли, согласно съ особенностями своихъ языковъ, церковно-славянскіе тексты; но нельзя сомнѣваться, что при-дунайскія черты были и случайны, и малочисленны: въ дошедшихъ до насъ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ мы не находимъ ничего такого, въ чемъ можно было бы признать, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, особенность того или другаго изъ при-дунайскихъ говоровъ. Форма повелит. накл. *вижь* = *виждь*, напоминающая собою древне-чешскую форму *виъ* (*viъ*) и находящаяся въ Маріинскомъ Евангеліи, можетъ

омъ простою онскою; слова: рољство (Клоцовъ Сборникъ 23, Маринское Ев. 48) — рождество, невѣзство (Синаиск. Псалт. 46) — невѣждество, кажущіяся съ перваго взгляда моравизмами, могутъ омы легко объяснены изъ церковно-славянскаго фонетики: въ нихъ з могло развиться изъ *жд*, послѣ исчезновенія звука ъ, вслѣдствіе асемблиаціи *жд* съ послѣдующимъ *с*; сравни церк.-слав. бѣство (Лесеман. Ев.), бѣство изъ бѣжство, церк.-слав. бѣдннство (Супр. рук. 99) изъ бѣдннство, древне-русск. рољство, розество (галицкая грамота 1409 г.) изъ рожство, ризки изъ рижскыи, варязскыи изъ варязьскыи и т. п. Во всякомъ случаѣ, з и въ вязь, и въ розество, и въ невѣзство не можетъ быть признано панновизмомъ, или словнизмомъ.

4) Языкъ древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ, вышедшихъ изъ подъ пера первоучителей (евангелии и псалтыри), не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ языка текстовъ, переведенныхъ послѣ первоучителей въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ какъ въ церковно-славянскихъ спискахъ (Клоцовъ Сборникъ, Супрасльская рукопись), такъ въ средне-болгарскихъ и древне-русскихъ. Словарный матеріалъ кирилло-меодіевскихъ переводовъ — тотъ самый, который находится въ трудахъ жившаго при царѣ Симеонѣ Іоанна Экзарха болгарскаго и въ церковно-славянскихъ переводахъ твореній отцовъ церкви, сдѣланныхъ въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ въ древнихъ спискахъ. Среди этого матеріала находятся нѣсколько словъ, въ которыхъ сторонники панновскаго происхожденія церковно-славянскаго языка видятъ панновизмы. Это *братръ* братъ, *балии* врачъ, *небесьскъ* небесный, *лажнати* просить, *искръ* близь, *миса* блюдо, *оцѣтъ* укусъ и др. Но эти слова, находящіяся въ древнихъ текстахъ кирилло-меодіевскаго происхожденія (въ евангелии и псалтыри), не имѣютъ значенія для рѣшенія вопроса: они сравнительно нерѣдки въ текстахъ происхожденія послѣ-кирилло-меодіевскаго, появившихся несомнѣнно въ Болгаріи, а нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ; поэтому они могутъ считаться столько же панновизмами, сколько и болгаризмами. Такъ, слова *братръ* (рядомъ съ *братъ*) и *балии* мы находимъ въ Клоцовомъ Сборникѣ; слово *небесьскъ* встрѣчается въ Клоцовомъ Сборникѣ, въ Супрасльской рукописи, въ Богословіи Іоанна Дамаскина, переведенномъ Іоанномъ Экзархомъ, по русскому списку XII вѣка (*Чтенія* 1878 г. 90, 102,